

7

66

366

ПРЕДЛАЖЕНИЯ

ПО ПЛАНУ РАБОТЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
УЧЕБНО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА

1971 года.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Т-ва п. ф. «Электротипография Н. Я. Стойковой», Знаменская, 25

1912 г.

р
А. С. Янучина.

766
366

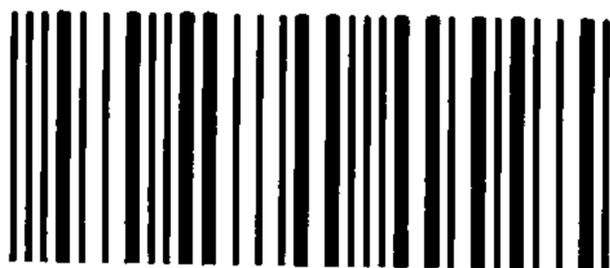
Берлинскій Конгрессъ

1878 года.

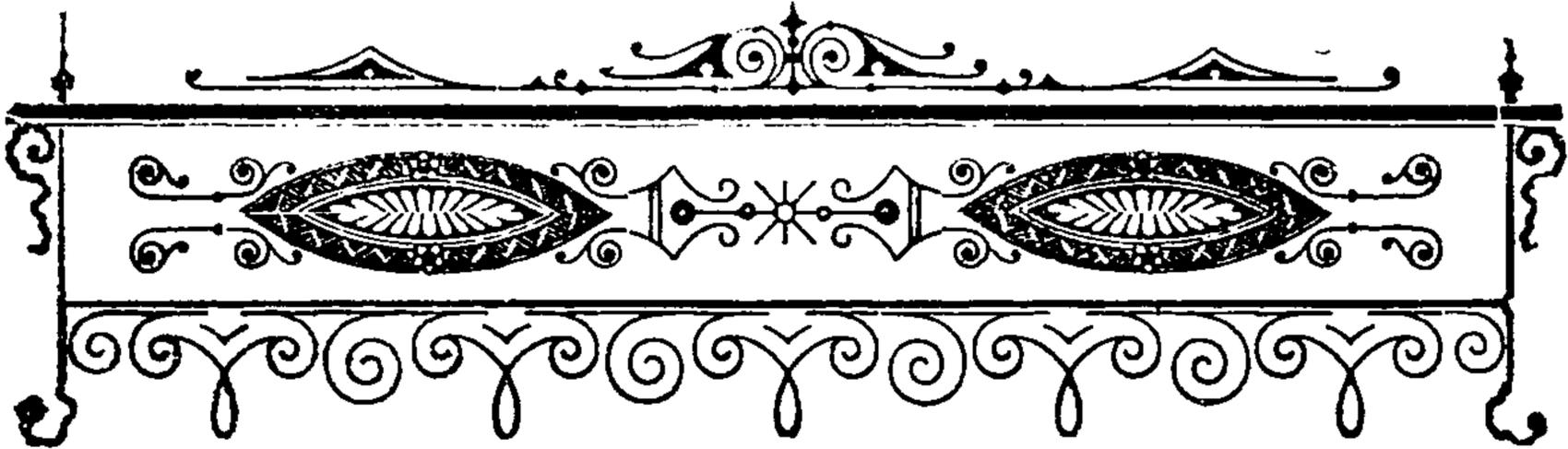
МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-12887
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“, Знаменская, 27.
1912.

2007050467

Берлинскій Конгрессъ 1878 года ¹⁾.

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ) ²⁾.

В С Т У П Л Е Н І Е.

Вще въ Адрианополѣ, вслѣдствіе болѣзни князя В. А. Черкаскаго, я, какъ помощникъ его, вступилъ въ исправленіе должности завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей. По смерти князя, послѣдовавшей въ Санъ-Стефано 19-го февраля 1878 г. я самостоятельно управлялъ гражданскою частью до самаго

---

¹⁾ Предлагаемъ вниманію читателей эту правдивую лѣтопись печальныхъ событій Берлинскаго конгресса съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы ничего подобнаго никогда не повторялось въ будущей исторіи Россіи. *Ред.*

²⁾ Авторъ этихъ записокъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ род. въ 1833 г. † 1909 г. Службу началъ въ 1851 г. въ л.-гв. въ Егерскомъ полку прапорщикомъ, по окончаніи курса въ академіи генеральнаго штаба въ 1855 г. все время состоялъ въ генеральномъ штабѣ на Кавказѣ, въ главномъ управленіи генеральнаго штаба и въ Польшѣ, гдѣ въ 1867 г., уже въ чинѣ генераль-маіора, былъ Радомскимъ губернаторомъ. Въ 1877 г. командированъ на Дунай въ дѣйствующую армію на должность помощника завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующимъ, и, по болѣзни князя Черкаскаго, 9 февр. 1878 г., назначенъ и. д. завѣд. гражданской частью въ Болгаріи. Въ маѣ 1878 г., въ чинѣ генераль-лейтенанта былъ командированъ на конгрессъ въ Берлинъ въ распоряженіе русскихъ уполномоченныхъ кн. Горчакова и гр. Шувалова. Въ 1879 г. онъ былъ командующимъ войсками Восточно-Сибирскаго, а затѣмъ и Иркутскаго военныхъ округовъ и генералъ губернаторомъ Восточной Сибири, откуда въ 1885 году получилъ назначеніе въ Сенатъ.

ея упраздненія, т. е. до перехода ея въ вѣдѣніе императорскаго комиссара въ Болгаріи. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, назначенный комиссаромъ, пріѣхалъ въ Санъ-Стефано вечеромъ 8-го мая 1878 г., я тотчасъ же сдалъ ему должность и 9-го утромъ выѣхалъ, черезъ Константинополь и Одессу, въ Петербургъ, гдѣ тогда находилась моя семья.

Въ Петербургѣ я пробылъ недѣли двѣ и 26-го мая выѣхалъ въ Варшаву, чтобы снова занять—сохраненную за мной во время войны—должность Радомскаго губернатора. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я 20 мая представлялся Государю и Императрицѣ, а также былъ у военнаго министра. Ничто не предвѣщало мнѣ никакихъ занятій, имѣющихъ связь съ бывшей моею командировкой въ Болгарію, и я всѣ свои вещи отправилъ съ товарнымъ поѣздомъ въ Варшаву, съ такимъ расчетомъ, чтобы ихъ могли получить и переслать въ Радомъ ко времени моего туда пріѣзда. Со мною осталось только то, что было необходимо для визита въ Варшавѣ генераль-губернатору графу Коцебу.

27-го вечеромъ я пріѣхалъ въ Варшаву, а на другой день утромъ отправился къ генераль-губернатору, жившему тогда въ Бельведерѣ.

Графъ Коцебу былъ очень доволенъ моему возвращенію на губернаторство и просилъ меня, въ особое для него одолженіе, ѣхать не въ Радомъ, а взять на себя управленіе Плоцкою губерніей, администрація которой была разстроена и требовала, по его выраженію, энергичнаго и умѣлаго губернатора. Дѣлая мнѣ подобное предложеніе, графъ Коцебу добавилъ, что приведеніе въ порядокъ Плоцкой губерніи дастъ мнѣ право на вниманіе начальства.

Сославшись на усталость послѣ тяжелой кампаніи и на потребность въ отдыхѣ, я отказался отъ любезнаго предложенія, замѣтивъ, что, управляя Радомской губерніей тринадцать лѣтъ, мнѣ было бы тяжело снова начинать заслуживать, въ Плоцкѣ, вниманіе, какое я считалъ уже вполнѣ пріобрѣтеннымъ въ Радомѣ, гдѣ я всѣхъ знаю, и всѣ ко мнѣ привыкли.

— „Очень жалѣю, что вы отказываетесь помочь мнѣ, я на васъ рассчитывалъ, однако, въ Радомѣ, на отдыхѣ, вы все-таки не поѣдете“—сказалъ графъ Коцебу.

— Почему?

— „А вотъ телеграмма, читайте“.

Телеграмма была на его имя отъ военнаго министра, увѣдомлявашаго, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе остановить меня въ Варшавѣ и къ 1-му іюня отправить въ Берлинъ состоять, во время конгресса, въ распоряженіи уполномоченныхъ Россіи князя Горчакова и графа Шувалова.

Командировка была совершенно неожиданная, и я не могъ тотчасъ же по прочтеніи телеграммы не выразить сожалѣнія, что всѣ мои вещи въ дорогѣ, и я не могу взять съ собою имѣвшихся у меня матеріаловъ о Болгаріи. На другой день, въ понедѣльникъ я уже выѣхалъ въ Берлинъ, наскоро одѣвшись въ статское платье только на дорогу. Въ Берлинѣ, до начала конгресса у меня было еще два дня, и тамъ я надѣялся быстро пополнить свой гардеробъ.

Такимъ образомъ состоялась моя командировка на Берлинскій конгрессъ, рѣшенная въ тотъ самый день, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга. По этой причинѣ я не участвовалъ въ тѣхъ переговорахъ и совѣщаніяхъ, которыя велись тамъ въ министерствахъ военномъ и иностранныхъ дѣлъ, и мнѣ совершенно не были извѣстны наши взгляды, рѣшенія и жертвы, на которыя мы были готовы.

Въ Берлинѣ я велъ дневникъ и ежедневно писалъ письма въ Радомъ. Письма и дневникъ взаимно дополняли другъ друга, а теперь сведены мною въ одинъ общій дневникъ съ исключеніемъ изъ него нѣкоторыхъ частныхъ подробностей, касавшихся лично меня и не относившихся до конгресса.

Въ этомъ видѣ дневникъ мой не представляетъ трактата о Берлинскомъ конгрессѣ, но есть добросовѣстная запись всего того, что я видѣлъ, и что обратило на себя мое вниманіе. Мнѣ кажется, что именно въ этомъ видѣ, какъ свидѣтельство очевидца, хотя и неигравшаго никакой вліятельной роли—онъ можетъ быть недурнымъ матеріаломъ для будущаго историка этого прискорбнаго для Россіи эпизода. Сводя письма и журналъ въ одинъ дневникъ, я ничего не прибавилъ къ написанному прежде, сохранивъ въ полной неприкосновенности то, что попало въ мои замѣтки десять лѣтъ тому назадъ. Исключеніе сдѣлано для нѣсколькихъ весьма не многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ нынѣ.

Для болѣе удобнаго пониманія происходившаго на конгрессѣ, я предпосылаю дневнику:

во-первыхъ—объясненіе измѣненій, которыя мы хотѣли сдѣлать на Балканскомъ полуостровѣ, относящееся къ январю 1877 года, т. е. ко времени заключенія нами (11 января) конвенціи съ Австріей о предоставленіи ей занять Боснію и Герцоговину,

и *во-вторыхъ*—записку объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ Берлинскому конгрессу, показывающую, какимъ образомъ произошло его созваніе.

Кромѣ того, въ приложеніяхъ къ дневнику, между прочимъ, помѣщены:

1) текстъ Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата.

2) карта Балканскаго полуострова съ показаніемъ на ней границъ соотвѣтствующихъ трактатамъ 1856 г. Санъ-Стефанскому и Берлинскому.

3) рѣчь князя Бисмарка, произнесенная имъ въ Германскомъ рейхстагѣ въ январѣ 1889 г., и

4) документы, касающіеся уничтоженія порто-франко въ Батумѣ.

Что касается до лондонскаго меморандума 18 (30) мая 1878 г., то онъ помѣщенъ въ текстѣ дневника подъ днемъ 5 (17) іюня.

I.

Новое политическое раздѣленіе Балканскаго полуострова.

Предполагая изъ Болгаріи, въ ея этнографическихъ границахъ, образовать вассальное княжество Болгарское и соглашаясь на соблюденіе нейтралитета Австріей—дозволить ей занять Боснію и Герцеговину, въ правящихъ петербургскихъ сферахъ особенно озабочивались правильнымъ опредѣленіемъ границъ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи въ тѣхъ частяхъ, гдѣ она прилегала къ землямъ албанскаго и греческаго племенъ.

Прежде всего было желательно, чтобы австрійская граница нигдѣ не переходила на правый берегъ Дрины. Но имѣя въ виду, что австрійскій кабинетъ будетъ настаивать на необходимости приобрѣсти нѣкоторый раіонъ, обезпечивающій дорогу изъ Рагузы къ Вышеграду, на которую Россія въ принципѣ соглашалась, предполагалось, въ случаѣ крайности, сдѣлать уступку и провести линію границы, начиная отъ сліянія рѣкъ Тары и Пивы по хребтамъ горъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Дрины до деревни Стрегощины или Стрницы на Лимѣ и затѣмъ продолжать эту линію по р. Дринѣ до сербской границы, оставляя Вышегородъ внѣ Австрійскихъ владѣній.

Опредѣляя границу Черногоріи съ юга, главнымъ образомъ имѣлось въ виду доставить княжеству способы къ независимому существованію, обезпечивъ ему вѣрное и удобное сообщеніе съ моремъ. Въ этомъ смыслѣ представлялись двѣ линіи. Первая—по рѣкѣ Баянѣ, подходившая почти къ самому городу Скутари; таковою границею вполне обезпечивался бы экономическій бытъ княжества, такъ какъ единственный вѣрный выходъ къ морю представляетъ р. Баяна. Вторая—прирѣзывающая къ Черногоріи по крайней мѣрѣ единственный вѣрный портъ Антивари, такъ какъ можно было предвидѣть, что по политическимъ расчетамъ ни Австрія, ни Италія не согласятся предоставить Черногоріи Баяну—

главную артерію сообщенія съ моремъ не только Черногоріи, но и сѣверной Албаніи.

Отъ Сербіи Черногорію предполагалось отдѣлить линіею, проведенною отъ села Стрегощинъ по р. Лиму до окрестности Преполья, затѣмъ: по хребтамъ горъ чрезъ г. Рошай, перерѣзывая хребетъ Мокра и Суха-гора, до одного изъ притоковъ албанскаго Дрина, оставляя эту рѣку на горѣ Биштрихъ и повернувъ на сѣверъ по горамъ близъ Дьякова къ хребту горъ близъ Плавы и Гусинья.

По отношенію къ Черногоріи имѣлось въ виду таковымъ ограниченіемъ доставить княжеству кромѣ голыхъ скалъ, нѣкоторые центры торговой дѣятельности, какъ-то: Чайницу, Ташлиджуили, Плевле, Бѣлополье, Ипекъ, или Печь и Дьяконицу, а также нѣкоторыя плодородныя мѣстности, какъ-то: часть большой Призренской равнины, дабы такимъ образомъ прирѣзать на востокъ и югъ Черногоріи такую страну, которая бы могла сдѣлать изъ нея дѣйствительно независимое княжество и вознаградить за невозможность увеличиться на счетъ Герцеговины, что было бы, конечно, естественнѣе. Такимъ образомъ для нашихъ видовъ сохранялся съ этой стороны главный интересъ устройства прочной формаціи въ виду усиленія будущаго Хорвато-Сербскаго королевства въ Австріи.

Затѣмъ къ Сербіи отошла бы страна, лежащая за проведенною выше чертою, при чемъ естественныя границы между нею и Болгаріею—принимая во вниманіе географическія и племенные данныя—были бы: хребетъ Шаръ-Дага, горы лежащія между Приштиной и Вранья до р. Медвѣдя, затѣмъ по рѣкамъ Пушта и Морава до старой сербской границы.

Этими чертами опредѣлялся собственно раіонъ сѣверо-западной Турціи, по которому признавалось полезнымъ имѣть общіе взгляды съ Австріею. Что касается до отдѣленія болгаръ отъ албанцевъ и грековъ, то имѣлось въ виду границы албанскаго племени—удерживая соотношеніе между географическими и племенными условіями—провести слѣдующимъ образомъ: по предполагаемой границѣ Черногоріи отъ моря до горы Биштрихъ, по границѣ Сербіи отъ этой горы до Шаръ-Дага,—по границѣ Болгаріи, слѣдуя по этому хребту до города Дибры, по Дрину до города Струга, по Охридскому озеру до монастыря Св. Наума, отъ этого монастыря черезъ равнину Горицы или Джорджа по горамъ округа Колонія до р. Вьоси (Аосъ), отъ этой рѣки, черезъ горы, къ верховьямъ р. Каламасъ и по этой рѣкѣ до моря.

Границы греческаго племени въ западной сторонѣ Балканскаго полуострова опредѣлялись затѣмъ вышеприведенною границею Алба-

ніи отъ моря до монастыря Св. Наума и затѣмъ границею Болгаріи отъ этого монастыря черезъ хребетъ горъ до озера Преспы, хребтомъ горъ между городами Флорина и Касторія до озера Острова.

Полный текстъ конвенціи съ Австріей, связавшей Россію (см. запись въ дневникѣ подъ днемъ 16 (28) іюня) неизвѣстенъ, но по поводу конвенціи, въ апрѣлѣ 1887 г., появилось много разоблаченій въ австро-венгерскихъ газетахъ. Извѣстный ех-дипломатъ Татищевъ помѣстилъ тогда же большую „сравку“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Когда константинопольская конференція (съ 11 (23) декабря 1876 по 8 (20) января 1877 г.) не удалась, и явилась для Россіи перспектива войны съ Турціей, тогда Россія дѣйствительно вошла въ переговоры съ Австро-Венгріей. Переговоры эти, въ которыхъ участвовалъ и авторъ „сравки“, носили, по его словамъ, строго „довѣрительный характеръ“.

Вотъ что пишетъ г. Татищевъ:

„Призванный по служебному моему положенію принимать въ нихъ дѣятельное, хотя и подчиненное участіе, я и теперь послѣ разоблаченій „Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты“ не считаю себя въ правѣ приподнимать покровъ, столько лѣтъ скрывавшій ихъ отъ непосвященныхъ взоровъ. Но я не нарушу ни долга присяги, ни профессиональной дипломатической скромности, если засвидѣтельствую, что состоявшееся въ началѣ 1877 года соглашеніе между Петербургомъ и Вѣной во многомъ и весьма существенномъ разнится отъ условій, перечисленныхъ въ статьяхъ „Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты“. Если бы соглашенію этому было суждено достигнуть полного осуществленія, то можно смѣло ручаться, что Балканскій полуостровъ не представлялъ бы нынѣ печальнаго зрѣлища кровавыхъ смуть, раздора и подчиненія чужеземнымъ и иновѣрнымъ вліяніямъ, а значеніе Россіи среди его населеній на вѣки утвердилось бы на основаніяхъ широкихъ и незыблемыхъ.“

„Какъ бы то ни было, но это *состоявшееся безъ участія и вѣдома Германіи* австро-русское соглашеніе быть можетъ именно потому и не было никогда приведено въ исполненіе. Вскорѣ послѣ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши, происходившаго въ Зальцбургѣ въ сентябрѣ 1877 г., тотчасъ послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, вѣнскій дворъ началъ обнаруживать стремленіе освободиться отъ принятыхъ на себя предъ нами обязательствъ, а по подписаніи предварительныхъ условій нашего мира съ Турціей и вовсе отрекся отъ нихъ. Въ промежутокъ времени между Санъ-Стефан-

скимъ договоромъ и собраніемъ конгресса въ Берлинѣ, возобновились переговоры Петербурга съ Вѣной, но привели они лишь къ отрицательному результату. Уѣзжая на конгрессъ, графъ Андраши ограничился тѣмъ, что выразилъ нашему послу сожалѣніе, что между нимъ и нами не успѣло состояться „предварительное соглашеніе“.

Съ своей стороны Pester Lloyd опубликовалъ тѣ семь пунктовъ, на основаніи которыхъ графъ Андраши обѣщалъ Россіи нейтралитетъ Австріи.

Вотъ эти пункты:

1) Ни одной великой державѣ не можетъ принадлежать исключительный протекторатъ надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова.

2) По окончаніи войны никакіе новые порядки не будутъ установлены помимо участія великихъ державъ, гарантировавшихъ цѣлость турецкой имперіи; не должно быть даровано или навязано балканскимъ народамъ новое государственное устройство какой-либо отдѣльной державой.

3) Россія не должна присоединять къ своимъ владѣніямъ никакой территоріи на правомъ берегу Дуная.

4) Румынія не должна быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи или поставлена въ политическую зависимость отъ одной изъ этихъ державъ.

5) Россія и Австрія обязуются не создавать на Балканскомъ полуостровѣ вассальныхъ себѣ государствъ подъ управленіемъ великихъ князей русскаго Императорскаго дома или герцоговъ австрійскаго (Secundogenitur).

6) Россія не должна занимать Константинополя.

7) Не должно быть устроено на Балканскомъ полуостровѣ значительное славянское государство въ ущербъ неславянскимъ племенамъ.

II.

Переговоры о созваніи конгресса ¹⁾.

2 (14) Января 1878 г., маркизь Салисбюри — въ виду свѣдѣній о началѣ переговоровъ между Россіей и Турціей о мирѣ — поручаетъ лорду Лофтусу передать князю Горчакову, что всякое соглашеніе Россіи съ Турціей, нарушающее договоры 1856 и 1871 г.г.

¹⁾ Составлено по документамъ, напечатаннымъ въ *Annuaire diplomatique* 1878.

должно быть договоромъ европейскимъ и пріобрѣтетъ силу только по изъявленіи на него согласія державъ, подписавшихъ Парижскій и Лондонскій трактаты.

13 (25) Января, русское правительство отвѣчало завѣреніемъ, что оно не имѣло намѣренія рѣшать отдѣльно европейскіе вопросы, относящіеся до мира.

17 (29) Января, англійское правительство, узнавъ, что турецкіе и русскіе уполномоченные установили въ Казанлыкѣ основанія для мира, передало, черезъ лорда Лофтуса, русскому правительству, что хотя эти основанія могутъ имѣть обязательное значеніе для воюющихъ сторонъ, но правительство ея величества королевы признаетъ за всѣми этими основаніями полную силу только тогда, когда они будутъ одобрены державами, подписавшими Парижскій договоръ.

18 (30) Января въ отвѣтъ на сообщеніе лорда Лофтуса, князь Горчаковъ отвѣчалъ, что принять основанія для мира было необходимо для заключенія перемирія, но что основанія эти должны быть считаемы прелиминарными, а не окончательными во всемъ, относящемся до Европы и что вопросы, касающіеся европейскихъ интересовъ, подлежатъ общему обсужденію съ европейскими державами.

19 (31) Января подписанъ въ Адрианополѣ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, Серверомъ и Намикомъ, протоколъ принятія предварительныхъ основаній мира и условій перемирія.

19 (31) Января въ Адрианополѣ подписаны условія перемирія.

23 Января (4 Февраля). Австрійскій посланникъ сообщилъ англійскому правительству телеграмму, приглашающую его на конференцію въ Вѣнѣ, и англійское правительство немедленно приняло это предложеніе.

24 Января (5 Февраля). Австрійское правительство передало англійскому оффиціальное приглашеніе на конференцію.

NB. Въ этомъ приглашеніи о мѣстѣ съѣзда конференціи ничего не говорится; вѣроятно на словахъ было указано на Баденъ-Баденъ.

29 Января (10 Февраля) князь Горчаковъ разослалъ посламъ въ Берлинъ, Лондонъ, Парижъ, Римъ и Вѣнѣ слѣдующую телеграмму: „Британское правительство, на основаніи донесеній своего посла въ Константинополь, рѣшилось воспользоваться прежде полученнымъ фирманомъ, чтобы направить часть своего флота къ Константинополю, для охраненія жизни и безопасности британскихъ подданныхъ. Другія державы приняли ту же мѣру въ отношеніи своихъ подданныхъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ вынуждаетъ и насъ, съ своей стороны, сообразить мѣры покровительства христіанамъ, жизнь и собственность коихъ была бы угрожаема и для полученія этой воз-

возможности имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь“.

25 Февраля (9 Марта). Австрійское правительство предложило, вмѣсто конференціи въ Баденъ-Баденѣ, собраться на конгрессъ въ Берлинѣ.

Англійское правительство отвѣчало, что не встрѣчаетъ препятствій на такое измѣненіе, но: „считаетъ желательнымъ, чтобы прежде всего было установлено, что обсужденію на конгрессѣ подлежатъ всѣ вопросы, о которыхъ говорится въ мирномъ договорѣ между Россіей и Турціей, и что никакое измѣненіе въ положеніи вещей, предварительно установленное договоромъ, не будетъ почитаемо имѣющимъ силу, впредь до одобренія его европейскими державами.“

28 Февраля (12 Марта). Англійское правительство сообщило австрійскому послу въ Лондонѣ графу Бейсту, что оно—прежде изъявленія окончательнаго согласія на участіе въ конгрессѣ—ожидаетъ самыхъ подробныхъ разъясненій по вопросамъ, указаннымъ въ письмѣ отъ 25 февраля (9 марта).

1 (13) Марта, англійское правительство еще болѣе развило свою мысль, сказавъ: „что прежде созванія конгресса, должно быть ясно установлено, что всѣ статьи договора между Россіей и Турціей должны быть предъявлены конгрессу не для обязательнаго ихъ принятія, а на тотъ конецъ, чтобы конгрессъ могъ признать, какія именно статьи нуждаются въ принятіи или содѣйствіи различныхъ державъ и какія этого не требуютъ“.

2 (14) Марта, графъ Шуваловъ передалъ маркизу Салисбюри слѣдующую телеграмму князя Горчакова:

„Всѣ великія державы уже знаютъ, что полный текстъ прелиминарнаго договора съ Портой будетъ имъ сообщенъ немедленно по обмѣнѣ ратификацій, что не заставитъ ихъ долго ожидать. Въ то же время онъ будетъ опубликованъ здѣсь ¹⁾. Намъ нечего скрывать“.

5 (17) Марта, князь Горчаковъ передалъ лорду Лофтусу слѣдующій меморандумъ:

„Въ отвѣтъ на сообщенную лордомъ Лофтусомъ депешу, которою лордъ Дерби отвѣчалъ на предложеніе графа Бейста относительно собранія въ Берлинѣ конгресса, честь имѣю повторить увѣреніе, которое уже графъ Шуваловъ былъ уполномоченъ дать правительству королевы,—а именно, что прелиминарный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, будетъ цѣликомъ сообщенъ великимъ державамъ предварительно собранія конгресса, и что на конгрессѣ каждая держава будетъ имѣть полную свободу мнѣній и дѣйствій“.

¹⁾ Санъ-Стефанскій договоръ ратификованъ 4-го марта 1878.

6 (18) *Марта*, въ Лондонѣ получена депеша лорда Лофтуса, сообщавшая, что князь Горчаковъ сказалъ ему, что онъ не можетъ конечно заставить молчать кого-либо изъ членовъ конгресса, но можетъ изъявить согласіе на обсужденіе только тѣхъ частей договора, которыя затрогиваютъ европейскіе интересы.

7 (19) *Марта*, на запросъ по сему лорда Салисбюри, графъ Шуваловъ отвѣчалъ: „что онъ уполномоченъ представить правительству королевы, что мирный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, единственный, который существуетъ, ибо нѣтъ никакихъ секретныхъ обязательствъ, будетъ сообщенъ правительству королевы цѣликомъ и гораздо ранѣе собранія конгресса. Что правительства королевы, равно какъ и другихъ державъ сохранять полную свободу сужденія и эту самую свободу, права на которую она не отрицаетъ для другихъ, Россія требуетъ для себя. А это значило бы ограничить ее, если бы одна между всѣми державами, Россія обязана была заключить прелиминарныя обязательства“.

9 (21) *Марта*, лордъ Дерби отвѣчалъ, что правительство королевы не можетъ отказаться отъ ясно имъ опредѣленнаго положенія, что прежде чѣмъ оно согласится на конгрессъ, должно быть ясно установлено, что каждая статья трактата между Россіей и Турціей будетъ предъявлена конгрессу не для необходимаго ея принятія, а для того, чтобы конгрессъ могъ обсудить, какія статьи требуютъ принятія и содѣйствія со стороны другихъ державъ и какія статьи въ этомъ не нуждаются.

„Что правительство ея величества не могло допустить выражаемаго нынѣ княземъ Горчаковымъ мнѣнія, по которому свобода сужденія и дѣйствій Россіи была бы ограничена болѣе, чѣмъ всякой другой державы этимъ прелиминарнымъ соглашеніемъ.“

„Что правительство его величества желаетъ знать, согласится ли русское правительство на то, чтобы сообщеніе договора цѣликомъ различнымъ державамъ было почитаемо представленіемъ договора конгрессу для того, чтобы весь договоръ, въ его отношеніяхъ къ существующимъ договорамъ, могъ быть разсматриваемъ и обсуждаемъ конгрессомъ“.

14 (26) *Марта*, графъ Шуваловъ написалъ лорду Дерби, что свободу сужденій и дѣйствій, которую Россія желаетъ предоставить себѣ на конгрессъ, императорскій кабинетъ понимаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Онъ предоставляетъ другимъ державамъ свободу возбудить на конгрессѣ тѣ вопросы, которые они сочтутъ необходимымъ подвергнуть обсужденію, и предоставляетъ себѣ свободу согласиться или нѣтъ на обсужденіе этихъ вопросовъ“.

20 Марта (1 Апрѣля), маркизь Салисбюри, выражая „что правительство ея величества глубоко сожалѣетъ о выраженномъ рѣшеніи“, разослалъ посольствамъ Великобританіи циркулярную ноту, въ которой, излагая всѣ вышеприведенные переговоры по этому вопросу, приводитъ въ концѣ критическій разборъ Санъ-Стефанскаго договора и выводитъ заключеніе о правильности требуемаго Англіей представленія его конгрессу для полнаго пересмотра.

28 Марта (9 Апрѣля), при особомъ циркулярѣ, князь Горчаковъ разослалъ русскимъ посламъ въ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ, Вѣнъ и Римъ—меморандумъ съ возраженіями на замѣчанія, сдѣланныя маркизомъ Салисбюри въ его циркулярѣ.

Въ циркулярѣ князя Горчакова сказано:

„Маркизь Салисбюри говоритъ намъ только о томъ, чего англійское правительство не хочетъ, и не говоритъ намъ того, чего оно желаетъ. Мы полагаемъ, что было бы полезно, чтобы его сіятельство высказалъ это для лучшаго уразумѣнія положенія.

„Что касается до взглядовъ правительства ея британскаго величества по поводу конгресса, я могу только сослаться на систему, которой императорскій кабинетъ держался по этому вопросу.

„Онъ оффиціально сообщилъ великимъ державамъ текстъ прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго договора съ объяснительной картой. Мы присовокупили, что на конгрессѣ—если онъ состоится—каждая изъ державъ, въ немъ участвующая, имѣетъ полную свободу сужденій и дѣйствій и того же права требовали для Россіи.

„Мы можемъ только повторить то же заявленіе“.

Въ меморандумѣ, прежде чѣмъ начать, пунктъ за пунктомъ, опроверженіе выводовъ маркиза Салисбюри, сказано:

„Санъ-Стефанскій договоръ сдѣлалъ только обязательнымъ согласіе Порты на программу реформъ болѣе полную, болѣе точную и болѣе практичную. Но самый фактъ, что Санъ-Стефанскій договоръ есть договоръ прелиминарный, указываетъ, что намѣреніемъ императорскаго кабинета было установить принципъ, не предрѣшая окончательно его примѣненіе, которое потребуетъ подробныхъ изслѣдованій, точнаго обсужденія географическихъ потребностей и соглашенія многихъ интересовъ.

„Вотъ почему многія статьи договора изложены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, оставляющихъ мѣсто для послѣдующихъ соглашеній объ измѣненіяхъ, признанныхъ неизбежными“.

Заканчиваю выпискою нѣсколькихъ строкъ изъ рѣчи, произнесенной княземъ Бисмаркомъ въ началѣ февралѣ н. с. 1888 въ Германскомъ рейхстагѣ.